

Д. В. Конёр
(Институт лингвистических исследований РАН)

ВОСПРИЯТИЕ ГРАНИЦЫ И РОДНОЙ РЕЧИ У ТОРЛАКОВ ЗАПАДНОЙ БОЛГАРИИ¹

В данной статье рассматривается этнолингвистическая ситуация к востоку от сербско-болгарской границы, в районах г. Белоградчик и г. Трын. Местные болгарские говоры, как и граничащие с ними восточно-сербские (призренско-тимокские) диалекты, относятся к торлакскому диалектному комплексу. Лингвистическая удалённость белоградчикских и трынских говоров от воспринимаемого в качестве «правильного» стандартного болгарского языка способствовала закреплению за ними статуса непрестижных идиомов, а также социолингвистической маргинализации их носителей. Дискурсивный анализ нарративов, записанных в 2018 и 2019 гг. в экспедициях в Западную Болгарию, помогает понять, как приграничное положение болгарских торлакских говоров повлияло на их развитие в новое и новейшее время. Мы приходим к выводу о том, что низкий социальный статус местных говоров, который является результатом языковой политики, стал ключевым фактором вытеснения диалектной речи региональным вариантом стандартного языка.

Ключевые слова: торлакские говоры, диалекты Западной Болгарии, диалектология пограничья, отношение к языку, дискурсивный анализ.

D. V. Konior
(Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg)

Perception of borders and local vernaculars by Western Bulgarian Torlak people

This article deals with the ethnolinguistic situation east of the Serbian-Bulgarian border, in the Belogradchik and Tran districts. Local vernaculars are of the Torlak type, which suggests their genetic unity with the bordering Eastern Serbian (Prizren-Timok) dialects. In both countries, these vernaculars are perceived as “incorrect” because of their remoteness from the standard languages (and dialects on which they were based). In this study, we perform a discourse analysis of the samples of local people’s speech recorded during fieldwork in Western Bulgaria in 2018 and 2019. It is stated that mixed marriages with the Serbian Torlaks, status inequality, cross-border military conflicts in the past, as well as identity issues and informants’ perception of local vernaculars are the main factors that have

¹ Исследование проведено в рамках программы Horizon 2020 ERA.Net RUS Plus. Финансовая поддержка исследователей из России осуществляется РФФИ (ЭРА_а 18-512-76002).

been influencing the sociolinguistic development of the Bulgarian Torlak vernaculars in 20th and 21st centuries, which is marked by the shift from dialect speech to standard-based regional koine.

Keywords: the Torlak vernaculars, Western Bulgarian dialects, dialectology of borderlands, language attitude, discourse analysis.

1. Введение

В последнее время политические границы вызывают особый интерес не только у социологов и антропологов, но также у лингвистов — диалектологов, специалистов по мультилингвизму и языковым контактам (Watt, Llamas 2014; Martinez, Fishman 2014; Kamusella, Nomachi, Gibson 2016; Hawkey 2018; Palliwoda et al. 2019)². Приграничные области и формирующиеся там «приграничные ландшафты» (англ. *borderscapes*) (Rajaram, Grundy-Warr 2007) начинают осмысляться не в качестве периферий, а в качестве центров ключевых социолингвистических процессов (Jańczak 2015: 119). Юго-Восточная Европа является одним из тех регионов, где границы играют особенно важную роль в общественном, политическом и научном дискурсе. Тем не менее, изучению языковых и культурных контактов на окраинах балканских государств посвящено сравнительно немного работ (Jussufi 2019: 42)³.

В данной статье мы рассматриваем языковую ситуацию в приграничных областях Западной Болгарии и Восточной Сербии. Местные идиомы относят к *торлакскому диалектному комплексу*, а часть жителей этого региона самоидентифицируется в качестве *торлаков* (что чаще всего понимается как региональная этническая группа в рамках сербской или болгарской нации) (Živković 1994; Dinić 2008; Veselinov 2019). Предположительно, данные территории (а также области северной Северной Македонии) в прошлом представляли собой единую этнолингвистическую зону, разделённую границами

² В последние годы были проведены междисциплинарные конференции по данной теме, например, “Borderscape as an Interdisciplinary Concept” (Люксембург, 2016 г.) (URL: <https://www.imiscoe.org/docman-docs/522-en-cfp-symposium-borderscapes-final/file>).

³ В данный момент готовится к печати коллективная монография «От сепарации к симбиозу: языки и культуры Юго-Восточной Европы в контакте» (Sobolev et al. 2020), в которой подводится итог многолетнему изучению контактных ситуаций на перифериях балканских языковых пространств (Химара в Албании, Веля Горана в Черногории, Преспа в Северной Македонии, Карашево в Румынии, Цакония в Греции, о-в. Крк в Хорватии и др.).

современных балканских государств, в каждом из которых торлакские диалекты ныне представляют собой периферию национального языкового пространства⁴. Так, в болгарской диалектологии Западная Болгария выделяется в особую лингвистическую зону, которую Ст. Стойков характеризует как «переходные [между сербским и болгарским языками] говоры». Эти говоры противопоставлены другим болгарским диалектам по ряду важнейших признаков, среди которых: развитие *č*, *dž* на месте праславянских **tj* и **dj*, рефлекс *и* праславянского **o*, рефлекс *e* праславянского **ě*, отсутствие фонем /f/ и /h/; различие форм им. и вин. п. существительных м. и ж. р., окончание -е мн. ч. существительных ж. р. **-a*, **-ja* склонения (*žene, sestre, ribe, zemlje, ovce*) окончание -то в 1 л. мн. ч. глаголов наст. вр., вспомогательный глагол буд. вр. в форме *џи, џе*, и др. (Sobolev 1998; Stoykov 2002: 164–166).

В 2018–2021 гг. сербско-болгарское пограничье исследуется в рамках международного проекта «Изучение конвергенции и дивергенции традиций Центральных Балкан: реализация и перцепция»⁵. Одна из задач исследования состоит в проведении анализа идиома и культуры торлаков в том виде, в котором они бытуют в настоящий момент⁶, в трансграничной перспективе и с позиций перцептивной диалектологии — исходя из положения о том, что восприятие носителями диалекта собственного языка (и речи) является одним из факторов языковых изменений на данной территории (Preston 1999). Собранный полевой материал — нарративы жителей Восточной Сербии и Западной Болгарии, записанные на видео- и аудионосители, — подлежат расшифровке и служат основой для создания корпуса торлакского диалектного комплекса, снабженного инструментарием автоматической обработки языковых данных (Winistörfer et al.

⁴ В современной сербской лингвистике с лингвонимом «торлакский диалект» связаны определённые противоречия, имеющие скорее политическую, нежели научную окраску. В 2018 г. Совет по стандартизации сербского языка рекомендовал заменить данный термин другим, более «употребительным» и «корректным», а именно — «призренско-тимокский диалект сербского языка» (Ivić 2018; Pismo 2018).

⁵ Веб-сайт проекта — <https://traceba.net>.

⁶ Ранее торлакское языковое пространство по обе стороны сербско-болгарской границы изучалось в рамках нескольких лингвогеографических проектов: прежде всего, «Диалектологического атласа Восточной Сербии и Западной Болгарии» (Sobolev 1998); но также «Болгарского диалектологического атласа» (BDA 2001) и «Общеславянского лингвистического атласа» (ОЛА 1988–2015).

2020; Mirić et al. 2020). В данном исследовании приводится материал двух подкорпусов — «Белоградчик»⁷ и «Трын»⁸, собранный с применением специально разработанного вопросника (см.: Konior, Makarova, Ćirković 2020).

Цель анализа данного материала в статье — дать ответ на вопрос о том, как приграничное положение болгарских торлаков повлияло на их речевое поведение, отношение к языку, а в итоге — на языковую ситуацию в Западной Болгарии. Для традиционной диалектологии эти вопросы оставались в лучшем случае периферийными (в том числе из-за идеологических ограничений, которым вынуждены были следовать лингвисты), но в конце XX – начале XXI вв. они обретают особую важность при синхронном описании отличных от национального стандарта диалектов. Многие из них (и не только на Балканах) начинают тяготеть к литературным языкам под влиянием процессов глобализации и унифицирующей языковой политики (Stanković, Stefanović 2019), целью которой является «достижение такого положения вещей, при котором граждане воспринимают себя в качестве членов одной нации» (Urciuoli 1995: 534). На окраинных территориях различные аспекты языковой политики реализуются санкциями территориально удалённой администрации, а действительный результат этих мер формируется *in situ*, отвечая или не отвечая первоначальным целям имплементаторов. Единственным надёжным способом оценить последствия языковой политики является, таким образом, полевая работа с её адресатами и последующий диалектологический, культурологический и дискурсивный анализ полученного материала.⁹

⁷ Полевая работа проведена в 2018 г. в восьми сёлах р-на г. Белоградчик в Северо-Западной Болгарии. Материал данного исследования собран в с. Стакевци и с. Чупрене. Состав участников экспедиции: Б. Сикимич (САНУ), А. Н. Соболев (ИЛИ РАН, Марбургский ун-т), Д. В. Конёр (ИЛИ РАН), А. Л. Макарова (ИЛИ РАН, Цюрихский ун-т). Расшифровка материала выполнена Д. В. Конёр и А. Л. Макаровой. Корректировка материала производится Д. Д. Балашевич.

⁸ Полевая работа проведена в 2019 г. в двадцати четырёх сёлах р-на г. Трын в Западной Болгарии. Материал данного исследования собран в с. Горочевци и с. Велиново. Состав участников экспедиции: Б. Сикимич (САНУ), А. Н. Соболев (ИЛИ РАН, Марбургский ун-т), Д. В. Конёр (ИЛИ РАН), А. В. Кочановская (студентка СПбГУ). Расшифровка материала выполнена Д. В. Конёр. Корректировка материала производится Д. Д. Балашевич.

⁹ Р. Дарк в исследовании по социальной географии «Картография нестабильных границ. Понять Балканы» пишет: «Приграничные регионы — это музеи под открытым небом, не только из-за многих

В настоящей статье языковая ситуация в приграничных районах Западной Болгарии изучается дискурсивным методом. Такой подход к анализу языкового материала подразумевает поиск паттернов, которые позволяют анализировать его в связи с общественными и культурными смыслами, причём «язык не просто пассивно отражает существовавший порядок вещей в обществе — он сам является субъектом в создании этого порядка» (Gee, Handford 2014: 49, 56). Материалом анализа будут служить нарративы (разной степени «диалектности») жителей приграничных территорий Западной Болгарии — районов г. Белоградчик и г. Трын из соответствующих подкорпусов общим объёмом около 300 тыс. знаков. Исходя из гипотезы о том, что приграничное положение местных говоров напрямую повлияло на их развитие в новое и новейшее время, мы вручную извлекали из корпуса нарративы на «трансграничную» тематику, т. е. содержащие рефлекссию местных жителей о собственном языке и языке соседей, о социальном и финансовом аспекте взаимоотношений с ними, о вооружённых конфликтах и трансграничных браках в прошлом; в данном тексте будут приведены лишь наиболее репрезентативные фрагменты. Анализ этого материала позволил установить причины возникновения различий в престиже между локальными формами речи и стандартным болгарским языком, а также проследить, как статус идиома (в восприятии как носителей, так и аутсайдеров) влияет на его развитие.

2. Дискурсивные факторы

В данном разделе приведены основные дискурсивные факторы, которые влияют на перцепцию носителей белоградчикских и трынских говоров, и соответственно, на языковую ситуацию на этой территории. Каждый из этих факторов проиллюстрирован расшифрованным(-ыми) фрагментом(-ами) интервью с местными жителями¹⁰.

исторических памятников, разбросанных по задворкам стран, но и из-за построенных ментальных моделей. Они легко примеряют «одежду не своего размера», навязанную далёкими властями. Между настоящими и воображаемыми свойствами приграничных зон должны быть проведены мосты» (Darques 2017: 299). Представляется, что это рассуждение справедливо и с точки зрения социолингвистики.

¹⁰ Несмотря на то что материал подкорпусов «Белоградчик» и «Трын» был собран в Республике Болгарии, где единственным официальным алфавитом является кириллица, было решено транскрибировать текс-

2.1. Вооруженные конфликты

Sə S'rbija, d'a, n'ie sme voj'uvali [...].¹¹ I S'ərbite, on'i su m'alko nezg'odni, na tr'ənski k'azvame [...]. On'i se s'akaju da e n'injo, št'o k'ažu da je n'injo. I t'ehen kr'al, Mil'an se k'azval ed'in, e 'imal gol'amo žel'anije da za'eme t'uka t'əzi č'ast na Bəlg'arja [...]. Sel'a 'ima razdel'eni nasr'otə na dv'e. Ed'in br'at u S'rbiju, ed'in br'at u Bəlg'arju, ko'eto ne 'e h'ubavo [...]. I pobed'ili sə gi i v'rn'ali naz'ət, i S'rbite d'olgo vr'eme ne s'ə sm'eali n'ešto da ni k'ažət. I seg'a sə zə'aždət. [...] I seg'a im pom'agame da fl'ezat vəf Evrop'ejskia səj'uz [...]. A sə S'rbite 'imam prij'ateli i ne gov'or'a za t'eh n'išta l'oše, gi uvaž'avam, i t'e me uvaž'avat seg'a, no tov'a e bil'o a ne vəf m'inalo, 'a za m'inalo gov'or'am. Pred'i mn'ogo god'ini. A seg'a si ot'ideme vəf S'rbija, "Br'ate, br'ate, k'ak^o si, št'o si?"¹²

По мнению болгарского историка С. Дечева, военный конфликт между Сербией и Болгарией в 1885 г. закрепил формирование отдельных «национальных лабораторий» в пограничных районах этих стран, способствуя «превращению» местного населения из «сельских жителей» и «христиан» в сербов и болгар (Dechev 2011). За национальной дивергенцией последовала

ты с использованием латинской графики из-за её адаптируемости к машинной обработке. В дополнение к стандартным латинским буквам были введены символы сербской латиницы (č, š, đ, ž), так как они достаточно точно отражают фонетические особенности западноболгарских диалектов. Сонанты *r̥, l̥* обозначены соответствующими символами МФА. Болгарский гласный среднего ряда среднего подъёма передан с помощью символа *ə*, мягкость согласных обозначается апострофом ('). Ударение ставится прямой вертикальной линией (') перед соответствующим гласным.

В экспедициях 2018 и 2019 гг. мы работали практически исключительно с пожилыми людьми, так как среди представителей среднего и младшего поколения носителей местных диалектов не обнаружилось.

¹¹ Записано в с. Горочевци (Трынская область), информант К., ~80 лет.

¹² С Сербией, да, мы воевали [...]. И сербы, они доставляют неприятности, как мы говорим по-трынски [...]. Они хотят, чтобы им принадлежало то, что они называют своим. И их король Милан, так звали одного, очень хотел захватить эту часть Болгарии [...]. Сёла разделены посередине надвое. Один брат в Сербии, второй брат – в Болгарии, это нехорошо. [...] И [болгары] победили, и вернули обратно [эти земли], и сербы долго не смели ничего сказать. И сейчас они задираются [...]. И сейчас мы им помогаем вступить в Евросоюз [...]. А среди сербов у меня есть друзья, и я не говорю о них ничего плохого, уважаю их, и они меня сейчас уважают, но это не в прошлом, а я рассказываю о прошлом. Много лет тому назад. А сейчас поедем мы в Сербию: «Брат, брат, как ты, как твои дела?».

дивергенция языковая: торлакские говоры на восток от границы стали активней тяготеть к болгарской норме, а на запад — к сербохорватской¹³.

Данный фрагмент показывает, что военные действия конца XIX в. до сих пор играют значительную роль в конструировании образа сербов у жителей Трынской области¹⁴. Рефлексия информанта об этих событиях неслучайно размещена на трёх темпоральных планах: война была в прошлом; сейчас, в настоящем, её последствия в сознании обывателей преодолеваются мирной коммуникацией; в будущем, при условии принятия Сербии в Евросоюз (с «помощью» Болгарии), существующая граница обретёт иной, менее рестриктивный характер.

2.2. Трансграничные браки

[Д. К.: *A u staro vreme da li [su] dolazili muževi ili žene iz Srbije, ili ne?*]¹⁵ Ne. Od'avna bil'i slug' 'in' i tuj, dood'ili, i ko ost'al ost'al, koj ne si otiš'al t'amo i n'ema. [Д. К.: *Onda nije bilo mešovitih brakova?*] Ne, ne, ne. **B'aba mi s'amo**. [...] E to e ed'instven sl'učaj. A **Jord'an** d'ole! Sr'бина... I b'aba **Nat'alja** d'ole, i on'a...¹⁶

В ответ на наш вопрос о том, имели ли место смешанные (возможно, более корректное определение в данном случае — трансграничные) браки в родном селе информантки в прошлом, первой её реакцией становится отрицание этого явления. Затем, однако, она называет значительное для небольшого села число

¹³ С. Дечев приводит свидетельства того, что до военных действий 1885 г. среди населения западных районов Болгарии были распространены просербские настроения (Dechev 2019).

¹⁴ Необходимо отметить, что в дискурсе жителей западных районов Болгарии практически отсутствуют (за редким исключением) темы, связанные с военными травмами жителей Восточной Сербии: болгарская оккупация этих территорий в 1-ю и 2-ю Мировые войны, грабежи и репрессии вплоть до массовых расстрелов, см. тексты в 3-м томе (Sobolev 1998).

¹⁵ Записано в с. Стакевци (Белоградчикская область), информантка Л., 71 год.

¹⁶ [Д. К. А раньше бывали мужья или жены из Сербии или нет?] Нет. Давно были слуги (помощники) здесь, приходили, и кто остался, тот остался, кто нет — те ушли туда и — с концами. [Д. К. Значит, не было смешанных браков?] Нет-нет-нет. Только моя бабушка (или «свекровь» — прим. авт.)... [...] Ну это единственный случай. А Йордан внизу! Серб... И баба Наталья внизу, и она...

таких союзов, в т. ч. в своей собственной семье¹⁷. Эта информация важна для анализа взаимодействия торлакских сербских и болгарских говоров: по всей видимости, трансграничные браки были достаточно распространённой практикой до определённого момента, а значит, говоры по обе стороны границы находились в контакте и испытывали взаимное влияние, которое нелегко проследить ввиду близости контактирующих идиомов и отсутствия практики трансграничных браков в настоящем.

2.3. Статус

Na vr'emeto sa dood'ili t'uk da rab'ote.¹⁸ [Д. К. А сад долазе?] Не. [Д. К. *I niko iz sela ne ide u Srbiju, da?..*] Не, не, не. [...] 'Idet u It'alija, u G'erm'anija, u... [А. М.: *A da li ima ko se ženi vo Srbija, vo Srbiju?*] [...] Не, они **sə bil'i p'ob'edni od nas**¹⁹.

В социолингвистике престиж традиционно признавался ключевым фактором языковых изменений, заимствований и смены языка (Sairio, Palander-Colin 2012, с литературой). Фрагмент а) поясняет происхождение в неравенстве статуса между населением Западной Болгарии и Восточной Сербии: из слов информантки становится понятно, что неравенство воспринималось как последствие более скромного экономического положения населения по ту сторону границы. Судя по всему, это понятие об экономическом неравновесии сохраняется в сознании информантов и сейчас.

2.4. Идентичность

а) M'ojət pred'ado e o^d Sr̂blje.²⁰ I doš'ə^ol t'uka i səzd'al sem'ejstvo, ot Sr̂blje. I **pred'edo mi e nəl'i Sr̂bin**. 'Abe [...] **t'uka si st'avame B'əlgari**²¹.

¹⁷ Это может означать как то, что пришедшие с той стороны границы давно стали «своими», так и то, что данная тема относится к не самым желательным для обсуждения с аутсайдером.

¹⁸ Записано в с. Стакевци (Белоградчикская область), информантка Н., ~70 лет.

¹⁹ Раньше [сербы] приходили сюда работать. [Д. К. А сейчас приходят?] Нет. [Д. К. И никто не отправляется в Сербию, да?] Нет-нет-нет. [...] Ездят в Италию, в Германию, в... [А. М. А бывает, что женятся или выходят замуж в Сербии?] [...] Нет, они были беднее нас.

²⁰ Записано в с. Стакевци (Белоградчикская обл.), информантка Б., 82 года.

²¹ а) Мой прадед из сербов. Он пришел сюда и создал семью, от сербов. Так что мой прадед серб. Но [...] здесь мы становимся болгарами.

б) E. N'ie sme t'uka kəm Sr̂bite, i zatov'a sme Torl'aci²². G'ore d'ole u g'ovorə sme si g'ore d'ole jedn'akvi...²³

в) M'oj v'ujčo, ž'ena mu e ot Sr̂bije, 'ama od b'əlgarsko s'elo, Kol'umnici, i se ožen'il v'ujna²⁴. I v'ikame Sərpk'inja, tij'a si č'ista B'əlgarka, 'ama Sərpk'inja²⁵.

Фрагменты а), б) и в) демонстрируют некоторое противоречие в вопросах идентичности торлаков и трынчан: с одной стороны, собственное (пусть и региональное) самосознание формируется через этничность и язык соседей по ту сторону границы, с другой — оседлость на восток или на запад от этой черты определяет как самоидентификацию личности/семьи, так и суждения окружающих о её национальной принадлежности.

2. 5. Перцепция языка

а) M'i, s'ine, mn'ogo n'ašijət g'ovor mn'ogo je sr̂pski, b'abo, m'i sə Sərbj'eti t'uj št'o t'o bl'izu gr'anicutu o t'am, srpski sel'a...^{26 27}

б) [Д. К.: *A koji jezik sa njima govorite, sa Srbima? Kažete da imate tamo prijatelje.*]²⁸ [...] 'E n'ie gov'orimo si na b'əlgarski, te t'ukə, te gov'or'at p'okraj gr'anicu na b'əlgarski, te rəzb'irət²⁹.

Как показывают данные фрагменты, восприятие своего языка и языка соседей-сербов содержит как представление о том, что «мы говорим, как они», так и понятие о том, что «они говорят, как мы». Из этого следует, что, несмотря на перечисленные выше факторы дивергенции сербских и болгарских торлакских говоров, в сознании населения приграничных западноболгарских регионов языковая граница не совпадает с границей государственной.

²² Записано в с. Стакевци (Белоградчикская обл.), информантка Н., ~70 лет.

²³ Э. Мы здесь рядом с сербами, поэтому мы торлаки. Наши говоры более или менее одинаковые...

²⁴ Записано в с. Горочевци (Трынская обл.), информант К., ~80 лет.

²⁵ в) У моего дяди жена из Сербии, но из болгарского села, Колумници, и он женился на моей тёте. И мы её называем сербкой, она чисто болгарка, но «сербка».

²⁶ Записано в с. Стакевци (Белоградчикская обл.), информантка В., 86 лет.

²⁷ Мы, милая, очень наш говор, очень сербский, внучка, мы с сербами тут, ведь вот там, недалеко от границы, сербские сёла...

²⁸ Записано в с. Горочевци (Трынская область), информант К., ~80 лет.

²⁹ [Д. К. А на каком языке вы с ними говорите, с сербами? Вы говорите, что у вас там друзья.] [...] Ну, мы по-болгарски разговариваем, ведь они здесь вдоль границы говорят на болгарском, они понимают.

3. Идиом торлаков

Описанные выше факторы напрямую влияли на белоградчикские и трынские говоры в новейшей стадии их развития, идущего в направлении языковой смерти. Ниже приведены социолингвистические сведения, связанные с использованием местных говоров старшим (и единственным) поколения их носителей.

3. 1. Эмблематизация/стигматизация

а) Za n'as zv'uči tr'ənski mn'ogo 'ubavo, a za dr'ug'e n'e zn'am! [...] ³⁰ J'a **ot'idem u** Topolč'ane, **Sl'ivensko**, i t'am k'at im gov'orim, **on'i mi raspr'avl'u če sam Srbij'anka!** [...] K'ažem 'im po n'eku d'umu, a 'oni... [*изображает удивление*] ³¹.

б) D'aže kat'o ot'ideme vəf **S'ofijə** posl'ednija p'ət, m'oja s'in i vn'učkatə igr'ajat h'okej na l'et ³². I ot'idohme t'am da im v'idime trener'ovkatə. I s tren'orə sm'e prij'ateli, kəd'eto e na otb'ora, i n'aši **kat'o počn'a se gov'ori na tr'ənski**, v'ikam: “**Al'o! T'ukə n'e.**” ³³

в) A od'avna... o'd'avna če vi rask'ažam edn'a ist'orija, sl'učka ³⁴. **Ot'ivame u Ung'arija na B'alaton, na ezer'oto, i səs edn'a uč'itelka po b'əlgarski 'ez'ik.** [...] T'am če sp'ime, če spim'o səs gr'upa edn'a gd'e smo eskurzj'anti. I po edn'o vr'eme k'ət se st'unti, 'kət se st'əvni, rəzb'iraš, kv'o dən'əškə, k'ət se st'unti, i **j'a zabovər'i da or'atim po gr'adski n'əli po b'əlgarski i kəz'ujem na dr'ugata:** „**Ej h'ajde da b'eži da bežim'o, če ev'oj kv'o se st'unti, kl'ončiči p'adu u gl'avu če ni str'oši t'uj če ni k'osti ost'anu!**“ I n'əli j'a bež'im da se sk'utam t'am če d'əš če ni i tək'v'o... I ot'odim u V'idin, i rəb'otəše kəm V'idin [...]. **Slet m'eseci!** I ona: „Au, L'enko^u je doš'l'a, 'au, L'enko^u je doš'l'a, 'ajde b'eži da bežim'o...“ **I p'ovtori s'əštite d'umi da səm j'a kəz'ala** ³⁵.

³⁰ Записано в с. Велиново (Трынская обл.), информантка Л., 78 лет.

³¹ Для нас трынский звучит очень красиво, а как для других – не знаю! [...] Я когда езжу в Тополчане, Сливенскую область, и там, когда я с ними говорю, они мне говорят, что я сербка! [...] Я скажу им какое-то слово, а они... [*изображает удивление*].

³² Записано в с. Горочевци (Трынская обл.), информант И., 76 лет.

³³ Даже когда мы поехали в Софию последний раз, мой сын и внучка играют в хоккей на льду. И мы поехали туда, чтобы посмотреть их тренировку. И с тренером команды мы дружим, когда он проводит отбор [...], и наши как начнут говорить по-трынски, я им кричу: «Алло! Не здесь же».

³⁴ Записано в с. Стакевци (Белоградчикская область), информантка Л. М., 82 года.

³⁵ А когда-то давно... расскажу вам одну историю, случай. Мы поехали в Венгрию на Балатон, на озеро, с одной учительницей болгарского

Благодаря наличию языковых черт, не свойственных ни сербскому, ни болгарскому стандартному языку (и диалектам, лежащим в их основе), восточносербские и западноболгарские торлакские говоры обладают большим потенциалом маркирования говорящих. Оно может происходить в нейтральном спектре (констатация факта происхождения говорящего с определённой территории ведёт к эмблематизации), однако часто отмечается тенденция к негативному маркированию, которое становится основанием для стигматизации (Petrović 2015; Stanković, Stefanović 2019; Konior et al. 2020). Фрагмент в) подтверждает тезис о том, что важнейшим звеном в реализации языковой политики являются учителя, «которые наделены универсальными полномочиями подвергать оценке и санкционировать языковые практики говорящего с позиций академической квалификации» (Bourdieu 1991: 44).

3.2. Вариативность речи

а) [А. С.: *Vi kak^o kažete, neću ili nešt'əm?*] ³⁶ “N'eću“, oo, “nešt'əm“ — kup'əčka d'uma, “n'eću“.³⁷

б) Ed'in m'əš otiš'əl na kr'əčma. I si e rek'əl na **žen'atə...** ³⁸ **Žen'utu**, trj'aba po st'akjevski. “Čə sed'iš **do kog'a... do kəd'a** d'oјdo ot krčmutu”.³⁹

в) **V'əglen** [...], 'uglen, n'eću da or'atim mod'ernenski.^{40 41}

языка. [...] Там мы ночевали с одной группой, тоже туристов. И через какое-то время, когда стемнело, понимаешь, как сегодня, когда стемнело, и я забыла, что нужно говорить по-городскому, то есть по-болгарски, говорю другой [девушке]: «Эй, давай, беги, побежали, а то вот какая непогода, ветки падают на голову, и так нас придавит, что одни кости останутся!» Ну и я бегу, чтобы спрятаться от дождя... И возвращаюсь в Видин, она работала под Видином [...]. А спустя несколько месяцев [встречаю учительницу]! И она: «Оо, Ленка пришла, Ленка пришла, давай беги, бежим...» И повторяет все те слова, что я тогда сказала.

³⁶ Записано в с. Чупрене (Белоградчикская обл.), информантка Т. К., 74 года.

³⁷ Мы говорим “neću“, “neštəm“ — городское слово.

³⁸ Записано в с. Стакевци (Белоградчикская обл.), информантка Б., 82 года.

³⁹ Один мужик пошел в корчму. И сказал жене... “Žen'utu”, нужно по-стакевски. «Сиди дома, пока я не вернусь из корчмы».

⁴⁰ Записано в с. Стакевци (Белоградчикская обл.), информантка Б., 82 года.

⁴¹ Уголь [...], “uglen”, не буду говорить по-новомодному.

Речь информантов, обладающих некоторыми, чаще всего остаточными компетенциями в локальном говоре, содержит множество чередований, автокоррекций и хезитаций. На системном уровне они вызваны заменой диалектов региональным койне, в котором несмотря на преобладание стандартноязыковых форм, частично сохраняются также основные диалектные маркеры (Konior et al. 2020). На коммуникативном уровне частотность этих явлений объясняется возвратом к диалектным формам после долгого периода отказа от их использования, по крайней мере, при контактах с аутсайдерами.

3.3. Язык нового фольклора

'Ima ed'in tək'əf sl'učaj vəf Vr'apča, što t'e sə bl'isko do s'ípskatə gr'anicə [...].⁴² S'ərbite hvan'ali B'əlgari t'am, plen'ili g'i, i p'itali ed'in: „**K'ako se z'oveš?**“, B'əlgarin v'ika: „**T'ako se z'ovem!**“. A t'oj se k'azval T'ako! Təkv'o mu im'eto⁴³. A na s'ípski „T'ako se z'ovem“ e „Tək'a se k'azvam“. I on'i: „K'ako se z'oveš, be?“ — „T'ako se z'ovem!“. I on'i **go b'ijət [...]** **dokət'o rəzb'erət će 'imeto mu e T'ako.**⁴³

Данный фрагмент записан во время интервью с пожилым мужчиной, кто, как и значительная часть нынешнего населения с. Горочевци (р-н г. Трын), провёл там свое детство, затем жил и работал в Софии, а в пожилом возрасте вернулся в родное село. Такие люди отказываются говорить на диалекте, утверждая, что он полностью забыт за годы жизни в столице. При этом диалектные формы распознаются и даже воспроизводятся ими как сербские, а единственными известными формами фольклора становятся юмористические зарисовки с участием местных жителей («поймали болгары серба», «пошел трынчанин в театр» и т. п.). В отличие от старой локальной традиции, в новом фольклоре язык и культура местных жителей высмеиваются скорее с позиции аутсайдера.

⁴² Записано в с. Горочевци (Трынская обл.), информант Н. Д., ~70 лет.

⁴³ Был один такой случай во Врабче, которая близко к сербской границе. [...] Сербы захватили болгар там, взяли их в плен, и спросили одного: «Как тебя зовут?», а болгарин отвечает: «Тако меня зовут!». А его и звали Тако! Такое было его имя. А по-сербски это значит «Так меня зовут». И они: «А ну говори, как тебя зовут?» — «Тако меня зовут!». Они его бьют [...], пока не поняли, что его имя — Тако.

4. Заключение

Вопреки известному мнению о том, что «не политическая граница создает языковой ареал, а представление о языковом ареале создает диалектную границу» (цит. по Palliwoda 2019: 252), в рассматриваемом регионе с его конфликтной историей и проблемным настоящим мы наблюдаем прямое влияние государственных дискурсов на конвергенцию и дивергенцию местных идиомов и культур. Проведённый нами анализ показал, что приграничное положение носителей торлакских говоров стало решающим фактором их перехода в категорию «идиомов, лишённых привилегий»/ непривилегированных идиомов (англ. *underprivileged languages*), а также привело к развитию «регионального стандарта»⁴⁴, вытеснившего собственно диалектные формы речи на рассматриваемой территории. Несмотря на то что в сознании местных жителей государственная граница не совпадает с границей языковой, на протяжении последних полутора столетий она приобретала всё бóльший вес в качестве политического и социального разделителя. Ключевую роль в этом процессе сыграло распространение идеи о ценности стандартного болгарского языка как «правильного» и необходимого для общественного успеха и карьерного продвижения.

В заключение приведём некоторые соображения относительно перспектив развития торлакских говоров и их изучения. Считается, что для возвращения языку престижа и употребительности, необходимо предпринять несколько равноважных шагов: вернуть представление о его ценности в глазах носителей и аутсайдеров; закрепить за идиомом официальный статус на законодательном уровне; ввести его употребление в сферу, в которой он ранее не использовался; наделить высоким статусом в качестве языка бытового (домашнего) общения; создать современную языковую инфраструктуру, что подразумевает стандартизацию идиома и наличие корпуса (Huss, Lindgren 2011: 3). В реальности такие шаги подразумевают высокий уровень языковой сознательности носителей, готовность к сотрудничеству со стороны местной и государственной администрации, а также наличие у сообщества достаточных ресурсов, в том числе — благоприятной демографической ситуации. Рассматриваемый нами регион переживает стремительное

⁴⁴ Исследование современных «региональных стандартов» по обе стороны границы относится к задачам ближайшего будущего (см. Sikimić, Sobolev 2020).

старение населения и опустение населённых пунктов, а возвращение к местным формам речи не является приоритетом для местных жителей. Это делает фиксацию языковых изменений, уходящих корнями в конец XIX в. и испытавших влияние всех социальных и исторических преобразований последующих эпох, насущной задачей антропологической лингвистики и корпусной диалектологии.

Литература

- BDA 2001— Kochev, I. (ed.). *Balgarski dialekten atlas. Obobshtavasht tom* [*Atlas of Bulgarian Dialects. Generalising volume*]. Sofia: "Trud".
- БДА 2001: Кочев, И. (отг. ред.). Български диалектен атлас. Обобщаващ том. София: «Труд».
- Bourdieu, P. 1991: *Language and symbolic power*. Oxford: Polity press.
- Darques, R. 2017: *Mapping Versatile Boundaries: Understanding the Balkans*. Cham: Springer International Publishing.
- Dechev, S. 2011: [Borders and Identities — from «Peasants» and «Christians» to «Bulgarians» and «Serbs»]. In: *NotaBene*, 21 (URL <https://notabene-bg.org/read.php?id=221>).
- Дечев, С. 2011: Граници и идентичности — от «селяни» и «християни» до «българи» и «сърби» (1877–1918 г.). *NotaBene*, 21, 2011 (URL <https://notabene-bg.org/read.php?id=221>).
- Dinić, J. 2008: *Timočki dijalekatski rečnik* [*Dictionary of the Timok dialect*]. Beograd: Institut za srpski jezik SANU.
- Динић, Ј. 2008: Тимочки дијалекатски речник. Београд: Институт за српски језик САНУ.
- Gee, J. P., Handford M. 2014: *The Routledge handbook of discourse analysis*. London: Routledge.
- Hawkey, J. 2019: The border as a site of sociolinguistic inquiry: Findings from Northern Catalonia. In: Horner, K., Dailey-O'Cain, J. (eds.). *Multilingualism, (Im)mobilities and Spaces of Belonging*. Bristol: Multilingual Matters, 19–38.
- Huss, L., Lindgren A.-R. 2011: Introduction: Defining Language Emancipation. In: *International Journal of the Sociology of Language*, 209, 1–15.
- Ivić, P. 2009: *Srpski dijalekti i njihova klasifikacija (priredio S. Remetić)* [*Serbian dialects and their classification (edited by S. Remetić)*]. Novi Sad, Sremski Karlovci: Izdavačka knjižarnica Ž. Stojanovića.
- Ивић, П. 2009: Српски дијалекти и њихова класификација (Приредио С. Реметић). Нови Сад, Сремски Карловци: Издавачка књижевница З. Стојановића.
- Jańczak, B. 2015: German-Polish Border: Language Contact and Language Use on the Example of Forms of Address of Polish Vendors from Słubice Bazaar. In: Rellstab, D. & N. Siponkoski (toim.) *Rajojen dynamiikkaa, Gränsernas dynamik, Borders under Negotiation, Grenzen und ihre Dynamik*. VAKKI-symposiumi XXXV 12.–13.2.2015. Vaasa: VAKKI Publications, 117–126.

- Jussufi, L. 2019: Rediscovering the border region in linguistics: Cases from Southeastern Europe. In: *Aegean Working Papers in Ethnographic Linguistics*, 2(1), 42–58.
- Kamusella, T., Nomachi, M., Gibson, C. 2016: *The Palgrave Handbook of Slavic Languages, Identities and Borders*. London: Palgrave Macmillan.
- Konior D. V., et. al, 2020: *Sociolinguistic situation and geographical embedding of Torlak at the beginning of the 21st century* [a manuscript].
- Konior, D. V., Makarova, A. L., Ćirković, S. 2020: [Creating a questionnaire for the field study of divergence and convergence of traditions in the Central Balkans: methodological issues and first outcomes]. In: *Vestnik TomGU. Filologija*, 65 [Tomsk State University Journal of Philology] [in print].
- Конёр, Д. В., Макарова, А. Л., Чиркович, С. 2020: Опыт составления программы для полевого исследования дивергенции и конвергенции традиций Центральных Балкан. *Вестник ТомГУ. Филология*, № 65 [в печати].
- Krstić, D. 2014: *Konstrukcija identiteta Torlaka u Srbiji i Bugarskoj* [Construction of the Identity of the Torlaks in Serbia and Bulgaria]. Univerzitet u Beogradu, Filozofski fakultet [a PhD dissertation].
- Крстић, Д. 2014: *Конструкција идентитета Торлака у Србији и Бугарској*. Универзитет у Београду, Филозофски факултет [докторска дисертација].
- Martinez, G., Fishman, J. 2014: *Languages and Borders: International Perspectives*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton.
- Mirić, M., et al. 2020: Towards a sociolinguistic corpus of Torlak: Challenges for data processing [a manuscript].
- Palliwoda, N., et. al. (Hrsg.) 2019: *Politische Grenzen — sprachliche Grenzen? Dialektgeographische und wahrnehmungsdialektologische Perspektiven im deutschsprachigen Raum*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter.
- Petrović, T. 2015: *Srbija i njen jug: „južnjački dijalekti“ između jezika, kulture i politike*. Beograd: Fabrika knjiga.
- Pismo, 2018: [Letter of the Serbian Standardization Committee of SASA]. In: *Folkloristika [Folclore Studies]*, 3/2, 209–210.
- Писмо, 2018: Писмо Одбору за стандардизацију српског језика САНУ. *Фолклористика*, 3/2, 209–210.
- Preston, D. (ed.). 1999: *Handbook of Perceptual Dialectology, vol. 1*. Amsterdam: John Benjamins.
- Rajaram, P. K., Grundy-Warr, K. (eds.). 2007: *Borderscapes: Hidden Geographies and Politics at Territory's Edge*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Sairio, A., Palander-Colin, M. 2012: The Reconstruction of Prestige Patterns in Language History. In: Hernández-Campoy, J. M., Conde-Silvestre, J. C. (eds.), *The Handbook of Historical Sociolinguistics*. Oxford: Wiley-Blackwell, 626–638.
- Sikimić, B., Sobolev, A. N. 2020: [Divergence processes in the Western South Slavic dialect separated by the state border (based on the

- data of current vernaculars in Eastern Serbia and Western Bulgaria*] [a manuscript].
- Сикимич, Б., Соболев, А. Н. 2020: *Процессы дивергенции в разделённом государственной границей западноюжнославянском диалекте (на материале современной диалектной речи Восточной Сербии и Западной Болгарии)* [рукопись].
- Sobolev, A. N. 1998: *Sprachatlas Ostserbiens und Westbulgariens*. Bd. I, II, III. Marburg: Biblion Verlag.
- Sobolev, A. N., et al. 2020: *Between Separation and Symbiosis: Southeastern European Languages and Cultures in Contact*. Berlin/Boston: Walter de Gruyter.
- Stanković, B., Stefanović, M. 2019: Peeling the Onion Top-Down: Language Policy in Serbia between Power and Myth. In: *Aegean Working Papers in Ethnographic Linguistics*, 2(1), 17–41.
- Stoykov, S. 2002: *Balgarska dialektologiya* [A Bulgarian Dialectology]. Sofia: «Prof. Marin Drinov».
- Стойков, С. 2002: *Българска диалектология*. София: «Проф. Марин Дринов».
- Urciuoli, B. 1995: Language and borders. *Annual review of anthropology*, 24, 525–546.
- Veselinov, L. 2019: *Popularen avtentichen turlashki rechnik* [An Authentic Popular dictionary of the Torlak dialect]. Belogradchik: “Zhdrebche”.
- Веселинов, Л. 2019: *Популярен автентичен турлашки речник*. Белоградчик: «Ждробче».
- Watt, D., Llamas, C. 2014: *Language, Borders and Identity*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Winistörfer, O., et al. 2020: [Automatic language profiling of a dialect speaker: the case of the Timok variety spoken in the village of Berčinovac (Eastern Serbia)] [a manuscript].
- Винисторфер, О., и др. 2020: *Автоматический метод языкового профилирования носителя диалекта (на материале восточносербского идиома села Берчиновац)* [рукопись].
- Živković, V. 1994: *Torlak* [The Torlak]. Pirot: Narodna biblioteka.
- Живковић 1994: *Живковић, Витомир В. Торлак*. Пирот: Народна библиотека.